УДК 343.98

Д. А. Глухова
преподаватель кафедры исследования документов УНК ЭКД
Волгоградской академии МВД России

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДПИСЕЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА

Анализ практики раскрытия и расследования уголовных дел о мошенничестве, связанном с использованием подложных документов, свидетельствует о том, что практически всегда назначаются почерковедческие экспертизы, причем в основном идентификационного характера, направленные на установление лица, выполнившего подпись [1, с. 12]. Нередко эти исследования являются единственным достоверным и объективным способом получения доказательственных фактов, имеющих непосредственное материально-правовое значение при установлении обстоятельств совершения деяний такой категории. Эти факты характеризуют прежде всего объективную сторону события, поскольку они несут значительную информацию о самом механизме преступления, непосредственно отражают действия субъекта по изготовлению подложного документа.

Подпись является своеобразным криминалистическим объектом почерковедческой экспертизы, поскольку имеет свои характерные особенности. К тому же у каждого человека процесс формирования подписи по сравнению с почерком имеет определенную специфику. Формирование подписи происходит совместно с почерком на базе частично сформированного письменно-двигательного навыка и связано с ним единством психофизиологических основ и приобретенных к тому времени графических и технических навыков письма. Условно процесс формирования подписи можно разделить на три этапа:

1. Обучение в школе.
2. Овладение профессией и специальностью.
3. Дальнейшая трудовая деятельность.

Начальный этап формирования подписи приходится в основном на 6-е, 7-е классы средней школы. В это время проявляется сознательный, волевой характер конструирования подписи. Основой для строения будущей подписи служит графический материал, содержащийся в фамилии, имени, отчестве. Отсутствие каких-либо специальных правил и норм предполагает различные направления создания подписи: сокращается буквенный состав, добавляются к полному или сокращенному составу инициалы или монограммы, вводится росчерк. Дальнейшее формирование подписи происходит в процессе овладения специальностью и связано со значительным увеличением практики подписывания различного рода документов в связи с достижением полной дееспособности. В то же время для увеличения скорости выполнения часть буквенного состава

может заменяться безбуквенными цикличными элементами. К завершению второго этапа транскрипция (или состав) подписи приобретает достаточную стабильность. Третий этап связан с характером трудовой деятельности, определяющим практику подписывания различного рода документов. Наибольшие изменения происходят в подписях лиц, имеющих высокую письменную практику. Это ведет к дальнейшему упрощению конструкции подписи, а также к появлению новых устойчивых вариантов подписи в целом. Выбор варианта зависит от значимости документа, его целевого назначения, иногда от места, отведенного для подписи, и т. п. Окончательное формирование подписи завершается к 25–30 годам [2, с. 245].

Имеющиеся в распоряжении экспертов методики идентификационного исследования такого рода объектов далеко не всегда эффективны. Об этом свидетельствует значительное количество выводов по результатам идентификационного исследования подписей, проводимых в экспертно-криминалистических подразделениях Министерства внутренних дел, которые оформляются в вероятной форме или в форме НПВ.

К числу объективных причин, негативно отражающихся на результатах экспертизы подписи, относятся ее краткость, простота и вариационность выполнения. Недостатки организационного характера обусловлены в основном предоставлением в распоряжение эксперта для производства сравнительного исследования неудовлетворительного материала. Для выполнения исследований в распоряжение эксперта должны направляться:

а) интересующие следствие документы, в которых были исполнены вызывающие сомнение в их принадлежности конкретным лицам рукописные тексты и подписи;

б) свободные образцы почерка предполагаемого исполнителя;

в) экспериментальные образцы почерка и подписей предполагаемых исполнителей.

На практике же в распоряжение эксперта иногда предоставляются только экспериментальные образцы подписи (причем неудовлетворительного качества), либо изображения подписей, расположенные в электрофотографических копиях документа, либо несопоставимые по транскрипции образцы подписей [3]. К числу субъективных причин специалисты справедливо относят недостаточный уровень подготовки экспертов в процессе обучения в вузе [4, с. 326]. Это выражается, в частности, в неиспользовании экспертами в проводимых ими исследованиях признаков, отражающих особенности выполнения в них отдельных элементов (величину углов между ними, степень кривизны дугообразных элементов, особенности в расположении росчерка относительно основной части подписи и т. п.) [5, с. 389].

Заслуживают внимания мнения известных специалистов-почерковедов о необходимости внедрения в повседневную экспертную практику почерковедческих идентификационных исследований подписей количественного метода, основанного на изучении структурно-геометрических характеристик признаков: степени нажима и ширины штрихов в сравниваемых подписях [4, с. 327].

При обсуждении сложностей, с которыми сталкиваются эксперты при экспертизе подписей, представляются актуальными суждения профессора Т. В. Аверьяновой о необходимости «отказаться от категорического неприятия вероятностных заключений в доказательных целях, поставив во главу угла понятие “практической достоверности”» [6, с. 21–31]. Реализация этого предложения при формулировании выводов по результатам идентификационного почерковедческого исследования подписей диктует необходимость выработки единого методического подхода к определению степени достоверности выводов в зависимости от количественных характеристик совокупности вышеназванных признаков.

По мнению И. В. Овсянникова, заключение с вероятным выводом может быть оценено судом как достоверное доказательство, если оно согласуется с другими доказательствами по делу: «В то же время заключение с категорическим выводом, противоречащее другим доказательствам, может быть оценено как недостоверное» [7, с. 260–261].

Необходимо отметить, что в научных исследованиях, проводимых учеными-почерковедами разных ведомств, наблюдается некоторая разобщенность, что выражается в неодинаковых методологических подходах при решении целого ряда вопросов. А это, в свою очередь, способствует выработке и использованию экспертами Министерства внутренних дел и Министерства юстиции противоречивых методик и, следовательно, формированию разных по своей сути выводов при исследовании одних и тех же почерковых объектов.

Отметим, что на научно-практических конференциях и в отдельных научных статьях даются советы, как в указанных условиях избежать ошибочных выводов по результатам проводимых экспертных исследований почерковых объектов. Но такого рода советы не могут служить основой для решения проблемы в целом. По нашему мнению, необходимо организовать масштабную деятельность по разработке и совершенствованию типовых методик, предназначенных для решения разнообразных экспертных задач, с учетом потребностей современной судебно-следственной практики и намечающейся тенденции ее изменения. К разработке таких методик целесообразно подключить ведущих специалистов судебно-экспертных учреждений различных ведомств и профильных вузов страны в области почерковедческой экспертизы. Разумно, если эта работа будет проведена под эгидой существующей Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской

Федерации, созданной в соответствии с постановлением Правительства от 8 декабря 2018 г. № 1502 [8]. Очевидно, что предметом ее внимания должна быть не только судебно-экспертная, но и экспертно-криминалистическая деятельность.

---

1. Погибко Ю. Н. Судебно-почерковедческая экспертиза // Современные возможности судебных экспертиз : метод. пособие для экспертов, следователей и судей / Л. Д. Беляева [и др.]. М. : Триада-Х, 2000. 261 с. Вернуться к статье

2. Почерковедение и почерковедческая экспертиза : учеб. / под ред. В. В. Серегина. 3-е изд., испр. и доп. Волгоград : ВА МВД России, 2015. 352 с. Вернуться к статье

3. Заключение эксперта № 513 от 16 апреля 2020 г. // Архив ЭКЦ УВД РФ по Омской области. Вернуться к статье

4. Устинов В. В. Проблемы использования результатов судебно-почерковедческой экспертизы при раскрытии и расследовании преступлений и направления их решения // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы : информ. бюллетень 2-й Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 26–27 окт. 2017 г. М., 2017. 420 с. Вернуться к статье

5. Шкоропат Е. А., Трушакова Н. А. Проблемные вопросы выявления и оценки идентификационных признаков почерка // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы : информ. бюллетень 2-й Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 26–27 окт. 2017 г. М., 2017. 420 с. Вернуться к статье

6. Аверьянова Т. В. Заключение эксперта как специфическое доказательство // Криминалистика и судебная экспертология: наука, обучение, практика. Часть II. Вильнюс, 2017. С. 21–31. Вернуться к статье

7. Овсянников И. В. О проблеме научной обоснованности заключения эксперта // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы : информ. бюллетень 2-й Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 26–27 окт. 2017 г. М., 2017. 420 с. Вернуться к статье

8. О Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации от 8 дек. 2018 г. № 1502 : в ред. от 17 июля 2019 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Вернуться к статье